

УРАЛО - СИБИРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И ЦЕРКОВЬ

В ХVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Проблема взаимоотношений казачества и церкви может быть поставлена в двух аспектах: как складывались отношения казачества (на уровне отдельных представителей и мирского управления) с церковной организацией (на уровне прихода, епархии, с центральными церковными органами), и каковы характерные черты религиозности казачества по сравнению с другими социальными группами.

Представители духовенства находились уже в первых отрядах казачества, появившихся в восточных регионах России: в отряде Ермака, в экспедициях, отправляемых для освоения Дальнего Востока. Одновременно с проникновением русского населения на Восток шло основание храмов и монастырей, становившихся центрами распространения христианства в восточных регионах. Часто инициаторами основания этих новых христианских центров становились представители казачества: так, по прошениям служилых были основаны Якутский Спасский, Иркутский Вознесенский монастыри, Братская пустынь. Известны и случаи, когда служилые постригались в монашество и становились сами основателями монастырей и крупными церковными деятелями: основатель Далматовского монастыря Далмат Мокринский, Игнатий Козыревский - активно (хотя и со злоупотреблениями) занимавшийся миссионерской деятельностью в Якутии. В миссионерские походы представители сибирского духовенства также отправлялись, только получив для поддержки хотя бы несколько служилых.

По мере проникновения на Восток закладывались и христианские церкви и часовни. Казачество зачастую выступало в качестве вкладчиков, жертвовавших на церковь земли, меха, деньги и другое имущество.

Поскольку казачество использовали для охраны пограничных территорий и большая его часть селилась в местах, еще мало освоенных русским населением, приходы, в рамках которых удовлетворялись их религиозные нужды, отличались значительной территорией и небольшим количеством духовенства, которое обязано было совершать религиозные требы. С 1772 г. было введ

правило, определявшее количество священнослужителей в церкви в зависимости от количества прихожан (1 священнослужитель на 150 дворов, 2 - на 200-250), за соблюдением которого строго следили епархиальные и центральные церковные власти. Для казачества, разбросанного по станицам и крепостям, это приводило к тому, что на расстоянии верст в 200 был только один священник, что означало постоянные сбои в отправлении религиозных обрядов. Кроме того, и само духовенство, отправляемое в эти окраинные церкви, не отличалось высокими моральными и профессиональными качествами: зачастую их посылали сюда в качестве наказания за совершенные ими проступки. Открытию новых приходов и притоку сюда духовенства препятствовало и то, что по существующему порядку содержать церковь и причт обязаны были сами прихожане, а они зачастую, даже добившись разрешения церковных властей на открытие нового храма, оказывались неспособными обеспечить его.

Хотя XVIII и первая половина XIX вв. были отмечены стремлением правительства ограничить возникновение новых церквей, при решении вопроса по прошениям казачества восточных регионов оно склонно было идти на уступки "за их особливые службы". Но к существенному изменению ситуации с размерами приходов это не привело.

С инициативой о постройке новых церквей и часовен, а также о обеспечении их священнослужителями, обращались к церковным властям коменданты крепостей или выборные от служилых. Если в самом приходе были люди, способные занять место церковно- или священнослужителя, то прихожане давали выбор на него, который практически всегда подтверждался потом указом епархиального архиерея. Бывали и случаи, когда такой выборный церковнослужитель несколько лет осуществлял свои обязанности, не имея указа архиерея.

Взаимоотношения казацкого самоуправления и церковных властей в восточных регионах России в XVIII - первой половине XIX вв. были довольно спокойными, между ними не возникало крупных конфликтов, которые имели место, скажем, в Войске Донском. Казачество не выступало с инициативой перевода их из епархий в епархию, не претендовало на определенные виды церковных сборов. Синоду они напоминали о себе столь нечасто, что в 1736 г. там даже не было сведений о том, к какой епархии принадлежал город Яик, и при выяснении этого вопроса Синод

просто поверил на слово "прилучившемуся" в Санкт-Петербурге лицу атамана и казакам.

Говоря о религиозности казачества, следует отметить, что ни по сути, ни по своим проявлениям она не отличалась от религиозности других социальных групп того времени. Повседневное соприкосновение казачества с иноверцами, необходимость поддержания с ними по возможности мирных отношений приучила казачество к веротерпимости, хотя казаки всегда осознавали себя христианами, а свою деятельность зачастую оценивали в категориях борьбы христиан с неверными. Свою веру берегли, вероотступников - казаков осуждали, но к остальным "неверным" относились достаточно спокойно.

Р.Н. РАХИМОВ (Уфа)

К ИСТОРИИ ТЕПТЯРСКИХ КОННЫХ КАЗАЧЬИХ ПОЛКОВ

История создания и воинской службы в конце XVIII - первая треть XIX в. двух тептярских полков не получила освещения в литературе, поэтому обращение к ней представляет интерес.

Тептяри - сословие, сформировавшееся в Башкирии в 30-90-е годы XVIII в. за счет пополнения бежавшими из Поволжья марийцами, татарами, удмуртами, чувашами социальной группы, известной в башкирском обществе с конца XVI в. В 30-40-е гг. XVIII в. тептяри участвовали в строительстве Оренбурга, возили казенную соль. Привлекались они и к подавлению башкирских восстаний.

К концу XVIII в. активная внешняя политика России требовала наличия крупной боеспособной армии, однако возможности ее формирования и содержания были ограничены, поэтому правительство делает ставку на такие части, которые находились бы на самообеспечении и одновременно имели высокие боевые качества. Такой подход отразился в введении кантонной системы управления в Башкирии, создании (в нач. XIX в.) военных поселений, в протекционистском курсе в отношении казачества (уравнение в чинах с армейской кавалерией), в создании тептярских полков.